

**ПЕТР
ВЯЗЕМСКИЙ**

ЖУКОВСКИЙ В
ПАРИЖЕ

Петр Андреевич Вяземский Жуковский в Париже

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24527852

Аннотация

«Жуковский недолго был в Париже: всего, кажется, недель шесть. Не за веселием туда он ездил и не на радость туда приехал. Ему нужно было там ознакомиться с книжными хранилищами, с некоторыми учеными и учебными учреждениями и закупить книги и другие специальные пособия, для предстоящих ему педагогических занятий. Он был уже хорошо образован, ум его был обогащен сведениями; но он хотел еще практически доучиться, чтобы правильно, добросовестно и с полной пользою руководствовать учением, которое возложено было на ответственность его...»

Содержание

I	4
II	11

Петр Вяземский Жуковский в Париже

I

1827 год. Май. Июнь.

Жуковский недолго был в Париже: всего, кажется, недель шесть. Не за веселием туда он ездил и не на радость туда приехал. Ему нужно было там ознакомиться с книжными хранилищами, с некоторыми учеными и учебными учреждениями и закупить книги и другие специальные пособия, для предстоящих ему педагогических занятий. Он был уже хорошо образован, ум его был обогащен сведениями; но он хотел еще практически доучиться, чтобы правильно, добросовестно и с полною пользою руководствовать учением, которое возложено было на ответственность его. Собственные труды его, в это так сказать приготовительное время, изумительны. Сколько написал он, сколько начертал планов, карт, конспектов, таблиц исторических, географических, хронологических! Бывало, придешь в нему в Петербурге: он за книгою и делает выписки, с карандашом, кистью или циркулем, и чертит, и малюет историко-географические картины, и так далее. Подвиг, терпение и усидчивость по истине, не нашего времени, а Бенедиктинские. Он наработал столько, что из

всех работ его можно составить обширный педагогический архив. В эти годы, вся поэзия его, вся поэзия жизни сосредоточилась, углубилась в эти таблицы. Не даром-же он когда-то сказал:

«Поэзия есть добродетель!»

Сама жизнь его была вполне выражением этого стиха. Зимой 1826 года провел он, по болезни, в Дрездене. С ним были братья Тургеневы Александр и Сергей. Сей последний страдал уже душевною болезнью, развившейся в нем от скорби, вследствие несчастной участи, постигшей брата его, Николая. Все трое, в Мае 1827 года, отправились в Париж, где Сергей вскоре и умер.

Связь Жуковского с семейством Тургеневых заключена была еще в ранней молодости. беспечно и счастливо прожили они годы её. Все, казалось, благоприятствовало им: успехи шли к ним на встречу, и они были достойны этих успехов. Вдруг разразилась гроза. В глазах Жуковского опалила и сшибла она трех братьев, трех друзей его. Один осужден законами и в изгнании. Другой умирает пораженный скорбью, но почти бессознательною жертвою этой скорби. Третий, Александр, нежно-любящий братьев своих, хоронит одного и, по обстоятельствам служебным и политическим, не может ехать на свидание с оставшимся братом, который, сверх горести утраты, мог себя еще попрекать, что он был

невольною причиною смерти любимого брата. Жуковский остается один сострадателем, опорой и охраною несчастных друзей своих.

В письмах своих к Императрице Александре Феодоровне он живо и подробно описывает тяжкое положение свое. Он не скрывает близких и глубоких связей, соединяющих его с Тургеневыми. И должно заметить: делает он это не спустя несколько лет, а так сказать по горячим следам, в такое время, когда неприятные впечатления 14-го декабря и обстоятельств с ними связанных могли быть еще живее. И все это пишет он не стесняясь, ничего не утаивая, а просто от избытка сердца, и потому, что он знает свойства и душу той, к которой он пишет. Вообще переписка Жуковского с Императрицею и Государем, когда время позволит ей явиться в свет, внесет богатый вклад, если не в официальные, то в личные и нравственные летописи наши. «Несть бо тайно еже не явится». Когда придет пора этому явлению, то что пока еще почти современно перейдет в область исторической давности, официальный Жуковский не постыдит Жуковского-поэта. Душа его осталась чиста и в том, и в другом звании. Пока можно сказать утвердительно, что никто не имел повода жаловаться на него, а что многим сделал он много добра. Разумеется, в новом положении своем Жуковский мог изредка иметь и темные минуты. Но когда-же и где и с кем бывают вечно ясные дни? Особенно, такие минуты могли падать на долю Жуковского в среде, в которую нечаянно был

он вдвинут судьбою. Впрочем не все тут было делом судьбы, или случайности. Призванием своим на новую дорогу Жуковский обязан был первоначально себе, то есть личным своим нравственным заслугам, дружбе и уважению к нему Карамзина и полному доверию Царского семейства к Карамзину. Как-бы то ни было, он долго, если не всегда, оставался новичком в среде, определившей ему место при себе. Он во все не был честолюбив, в обыкновенном значении этого слова. Он и при Дворе все еще был «Белева мирный житель». От него все еще пахло, чтобы не сказать благоухало, сельскою элегией, которою начал он свое поэтическое поприще. Но со всем тем, он был щекотлив, иногда мнителен: он был цветок «не тронь меня»; он иногда приходил в смущение от малейшего дуновения, которое казалось ему неблагоприятным, именно потому, что он не родился в той среде, которая окружала и обнимала его, и что он был в ней пришлый и так сказать чужеземец. Он, для охранения личного достоинства своего, бывал до раздражительности чувствителен, взыскателен, может быть, иногда и не к стати. Переписка его, в свое время, все это выскажет и обнаружить. Но между тем и докажет она, что все эти *маленькия смущения* были мимолетны. Искренняя, глубокая преданность с одной стороны, с другой уважение и сочувствие были примирительными средствами для скорого и полного восстановления случайно или ошибочно расстроенного равновесия.

Мы выше уже сказали, что печальны и тяжки были впечат-

ления, которые встретили Жуковского в Париже, в этой всемирной столице всех возможных умственных и житейских развлечений и приманок. Вот что писал он Императрице:

Je passerai tout le mois de Juin à Paris; mais je sens que je ne profiterai pas autant de mon séjour, que je l'aurais pu faire avant notre malheur (т. е. смерти Тургенева). Говоря о собственном расположении своем в эти дни грусти, он прибавляет: c'est comme une maladie de langueur, qui empêche de prendre aucun intérêt à ce qui tous entoure¹.

Между тем жизнь берет, или налагает свое. Движение шум и блеск жизни пробуждают и развлекают человека от горя. Он еще грустить, но уже оглядывается, слышит и слушает. Внешние голоса отзываются в нем. Жуковский кое-что и кое-кого видел в Париже: и видел хорошо и верно. Не смотря на не долгое пребывание, он понял или угадал Париж. Он познакомился со многими лицами, между прочим, с Шатобрианом, с Кювье, с философом и скромным, но прекрасно-деятельным филантропом Дежерандо. Но более, кажется, сблизился он с Гизо. Посредниками этого сближения могли быть Александр Тургенев и приятельница Гизо, графиня Разумовская (иностранка). Впрочем самая личность Гизо была такова, что более подходила к Жуковскому, нежели многие другие известности и знаменитости. Гизо был че-

¹ Т. е. я проведу весь июнь месяц в Париже, но чувствую, что пребыванием моим я не воспользуюсь, как бы я это сделал до нашего несчастья. Это в роде расслабляющей болезни, которая не позволяет принимать какое-нибудь участие в том, что делается вокруг.

ловек мысли, убеждения и труда: не рябил в глаза блесками французского убранства. Он был серьезен, степенен, протестантъ вероисповеданием и всем своим умственным и нравственным складом. Первоначальное образование свое получил он в Женеве. Земляк его по городу Ниму, известный булочник и замечательный и сочувственный поэт, Ребуль, говорил мне: и по слогу Гизо видно, что он прошел чрез Женеву. Гизо был человек возвышенных воззрений и стремлений, светлой и строгой нравственности и религиозности. Среди суетливого и лихорадочного Парижа, он был такое лицо, на котором могло остановиться и успокоиться внимание путешественника, особенно такого, каким был Жуковский. Как политик, как министр, почти управляющий Франциею, он мог ошибаться; он ставил принципы, не в меру выше действительности, а человеческая натура и следовательно человеческое общество так несовершенно, такого слабого сложения, что грубая действительность, *le fait accompli*, совершившееся событие налагают свою тяжелую и победоносную руку на принципы, на все логические расчеты ума и нравственные начала. Но проиграв политическую игру, он за карты уже не принижался: он уединился в своем достоинстве, в своих литературных трудах, в своей семейной и тихой жизни. Не то что бойкий и богатый блестящими способностями соперник и противник его по министерской и политической деятельности: тот также проигрался, но, находчивый и особенно искательный, он однакоже не мог найти себе достойное

убежище в самом себе. Вертлявый, легко меняющий убеждения свои, он снова начал играть по маленькой, чтобы отыграться и кончил тем, что связался с политическими шулерами и опять доигрался до нового проигрыша, до нового падения. Другие видные лица в Париже, также не могли особенно привлечь Жуковского. Шатобриан, не смотря на свои гениальные дарования, был-бы для него слишком напыщен и постоянно в представительной постановке. Поэт Ламартин, тогда еще не политик, не рушитель старой Франции и не решитель новой, был как-то сух, холоден и чопорен. По крайней мере таковым показался он мне, когда позднее познакомился я с ним. Малые сношения мои, также позднее, с Гизо были однакоже достаточны, чтобы объяснить и оправдать в глазах моих сочувствие к нему Жуковского.

II

Мы сказали выше, что Жуковский, хотя и мимоходом, но ясно и верно разглядел Париж. Выберем некоторые отметки из дневника его.

Камера депутатов. Равель, председатель, благородная, красивая наружность. Председательствует с большим достоинством и отменным навыком. Заседание было не весьма интересно. Вошел на кафедру Себастьяни. Он ужасно декламировал и декламируя горячился. *Il perle eu aeteur.* От непривычки к дебатам (прениям) французы видят в трибуне сцену, в себе актеров, а в посетителях партер. Нет ничего столь мало убедительного, как пышное красноречие. Одна ясность, одно красноречие положительное и самобытное (*l'énoqueente des choses*), одно вдохновение вспыхнувшее разом и неподготовленное, могут произвести действие и, что называется, *de l'effet*. Те же недостатки, которые господствуют в палате депутатов, поражают вас и в театре. С другой стороны, казалось-бы, что французы рождены для публичных прений. Никто не ловит на лету так легко, как француз, каждую мысль, каждое слово. Я это часто замечаю на улице. Спросишь прохожого о чем-нибудь: тотчас готов ответе самый короткий, ясный и приличный. *Les Franèais pourraient être très-éloquentes, si le désir de produire de l'effet ne détruisait pas l'effet* (Французы могли-бы быть очень

красноречивы, если б желание метить на *эффект* не убивало эффекта). Замечание остроумное и глубоко-верное.

Далее: «Сей дар быстрой понятливости и живой восприимчивости составляет главную вринадлежность характера их, и вместе с тем их недостатков. Натура, при этом, как будто лишила их потребности углубляться в предметы, потому что они так легко постигают и схватывают их. Надобно иметь большой навык слушать и удерживать в памяти слышанное, чтобы с приятностью следовать за дебатами. Я очень многого не слыхал, многого и не слушал, а смотрел на слушающих. Из министров были Виллель, Корбьер, Пэроне и Шаброль. На стороне; министров большинство. Но не смотря на то, во время заседаний, им крепко достается: в глаза судят их без пощады. Эти часы должны быть для них тяжелы; но, кажется, они к этой пытке уже привыкли».

«Несмотря на свой Гасконский выговор, Виллель говорит приятно, ибо просто, и редко позволяет себе фразы. Его антагонист (Гид-де-Нёвиль) горячился как ребенок».

«Бенжамен Констан напоминает Фридриха². Прекрасный профиль, худощав, несколько неуклюж, говори без претензии, но хорошо, ибо также не делает фраз».

«Был у Дежерандо. Он живет в глухом переулке. Горница, в которой мы были, весьма небольшая; стены покрыты рисунками видов из Италии. Есть и картины, между коими особенно заметны Волхвы и Святое Семейство Перужжио».

² Т.-е. живописца Фридриха, которому Жуковский покровительствовал.

(Жуковский был страстный любитель и хороший знаток живописи. Эта любовь встречается и сильно отзывается в поэзии его: живописное выражение его всегда верно и превосходно) «На столе стоит прекрасный бюст хозяина, работы Кановы, и бронзовый Наполеона, также Кановы. Дежерандо, лицо доброго философа. Несколько рассеян и задумчив, привлекательной внешности. Он повел нас в школу глухонемых. Пробыли в ней слишком короткое время: с охотою Тургенева (Александра) торопиться нельзя ничего видеть и слышат. Вот в каком порядке устроиваются отношения между наставниками и воспитанниками. Начальные основания: язык движений и соединение понятий с письменными знаками. Сами воспитанники выдумывают свои знаки. Понятия о временах: знак рукою вперед – будущее; знак рукою перед собою – настоящее; знак рукою за себя – прошедшее. В высших классах сами воспитанники помогают учителям и служат монитерами. Но, что меня наиболее поразило, то была девушка глухонемая от рождения и ослепшая на 13-м году. Теперь ей более 13-ти лет. В этом состоянии полного *одиночества*, она не только сохранила первые воспоминания, но и приобрела новые понятия. Она счастлива внутреннею жизнью, которая вся религиозная. Правда, она окружена такими людьми, которые могут с нею выражаться посредством осязания и которым может она знаками сообщать мысли свои и ответы. Дежерандо взял ее за руку. Она его узнала в минуту и выразила знаками, положив руку на сердце, что это он. Спро-

силы, любит ли ее Дежерандо. Она отвечала утвердительно и прибавила, что сама очень любит его. Я взял ее за руку. Спросили: кто? Она отвечала, что не знает. Знаками сказали, что я учитель Великого Князя Наследника Русского престола. Она поняла. – Спрашивается: что бы она была, есть-ли бы не пользовалась 13 лет зрением? Теперь предметы имеют для неё некоторую форму; тогда эту форму сообщило бы ей воображение. Они не были бы сходны. с существенным; но все каждый предмет имел бы свой отдельный, ясный знак, и все бы мог существовать язык для выражения мысли, ощущения: ибо язык есть выражение внутренней жизни и отношений к внешнему. Здесь торжествует душа».

«Был на лекции Вильмена. Превосходно о Генриаде и эпосе. Оратор говорил о других эпических поэтах, представляя их историю и историю их гения: изобразил то чем Вольтер не был и то чем он был. Превосходное изображение Данте и Вамоэнса. Сравнение Вольтера с Лукианом (Латинский поэт, автор поэмы: Фарзалия). Вильмень говорит: эпическая поэма есть выражение мысли всего народа, целой эпохи и вместе с тем, высшее творение великого гения. Происхождение Генриады не век Генриха IV, а Вольтеров век».

«Поутру писал к Императрице. Обедал у Гизо. – Французы умеют схватывать смешное и выражать его. Они этим наслаждаются. Мистификация есть важное дело для Француза, но он незлостно-насмешлив (*malicieux*). У нас десятой части нельзя того сделать, что делают здесь, не быв осмеянными».

(Разумеется, Жуковский говорить здесь не о нравственных поступках, а об ежедневных явлениях жизни: chez nous on cherche a tourner en ridicule. Ici on est bienveillant: on n'attaque que la prétention). Вот также верная и схваченная на лету заметка.

Паряж самый гостеприимный, снисходительный город. Хозяева дают гостям полную волю жить как угодно и делать что угодно. Не то что в Англии и особенно в Лондоне. Париж издавна такое скопище иностранцев и заезжих, что он успел ко всем и ко всему приглядеться. После Лондона, едва-ли не Петербург самый взыскательный и самовластительный город. Мы иностранцев любим и во многом подражаем им, простой народ также к ним привык; но мы вообще готовы подсмеивать их, во всех обычаях и повадках, которые еще не успели у нас обрусеть и получить право гражданства. Француз человек веселый; Русский насмешливый. Француз иногда осмеивает, но потому, что он смеется; Русский смеется потому, что он осмеивает. Но пойдем опять вслед за Жуковским.

«Поутру в заседании полиции исправительной (police correctionnelle). Дело студентов медицины. Председатель Дюфур. Вопросы неясные и сбивчивые. Тон грубый. Образ расспросов очень пристрастен. Неприличие смешивать политическое с полицейским. Красноречие Французов всегда тенденциозно».

Жуковский в Париже усердно посещал театры. Он вообще

любил театр, а в Париже театр более, чем где-нибудь способствует изучению народа, нравов, обычаев, уровня умственных и духовных сил и свойств современного общества. Сказано было, что литература выражение общества; это так, но не вполне и не всегда. Театр скорее имеет право присвоить себе это определение. Литература говорить, драма действует. Литература картина, театр зеркало. Это особенно применяется к Парижу. В старину, Расин гениально выразил царствование Людовика XIV-го с пышностью его, рыцарством, поклонением женщин, со всею его царедворческою обстановкою. В век Вольтера драма была преимущественно философическая. Ныне Корнели, Расины, Мольеры не рождаются. Есть таланты в обращении, но эти монеты до потомства не дойдут: они не обратятся в медали. Нет уже классического чекана, а романтического и не бывало. Драмы В. Гюго пародия на романтизм. Парижский театр ныне есть что-то в роде *café chantant*. А между тем все Парижское народонаселение живет утром политическими журналами, а вечером спектаклями. Один из главных представителей нынешнего театра, Дюма-сын, все вертится около женщин полусвета, или полумрака, и около седьмой заповеди. И не так, как делали старики доброго минувшего времени, чтобы пошутить и поповесничать, а с доктринерскою важностью, с тенденциозностью, с притязаниями на ученье новой нравственности. Уморительно-скучно в исполнении: уморительно смешно в преднамерении.

Вот некоторые театральные выдержки из дневника Жуковского. Кажется, чуть-ли не в первый день приезда его был он во Французской опере. «Давали *La prise de Corinthe*, оперу Россини. Музыка оперы прекрасная, но не новая: все слышанное в других операх его. Пение Французов, после Итальянцев, кажется криком; в их пении более декламации: все что мелодия – крик. Но я слушал с удовольствием певца Нурри. В игре Французов вообще заметно желание, производить эффект жестами и их разнообразием. У Немцев иногда слишком явное старание рисоваться, но игра их вообще проще. Французы скрывают свое кокетство лучше, но за то они беспрестанно на сцене. „Все картина“».

«Балет *Joconde*. Танцы прелестны, но более всего апплодируют сильным прыжкам».

«Во Французском театре Адамит и Зенобия (трагедия старика Кребильона, переведенная у нас, кажется, Висковатовым: „Висковатый пред Кребильоном виноватый“, сказал во время оно В. Л. Пушкин). Трагедия теперь в упадке. Дюшенуа произвела надо мною неприятное впечатление. Она старуха. И не могу вообразить, чтобы когда-нибудь могла быть великою актрисою». (Мнение Жуковского не соглашается здесь с общим Парижским и почти Европейским мнением. Дюшенуа не красива была собою, а между тем, по отзыву многих соперничала с красавицею Жорж, и в некоторых ролях даже побеждала ее. Жуковский в молодости был поклонником актрисы Жорж, во время бытности её в Москве.

Может быть, не хотел он и не мог изменить своим прежним впечатлениям и воспоминаниям). «Да, в трагедиях Французских нельзя быть *актером* (то-есть *действующим лицом*, хотел сказать Жуковский). Все дело состоит в декламации стихов, а не в изображении всего характера с его *нюансами*, ибо таких характеров нет в трагедиях Французских. Их лица суть не что иное, как представители какой-нибудь страсти. Как в баснях лев представляет мужество, тигр жестокость, лисица хитрость, так, например, Оросман, Ипполит, Орест представляют любовь в резвых выражениях; но характер человека тут не виден. От этого великое однообразие в пьесах и в игре актеров. Актер должен много творить от себя, чтобы дать своей роле что-нибудь человеческое. Таков был один Тальма. За трагедией следовала забавная комедия: *Le jeune mari*. В комедии Французы не имеют соперников. Удивительный *ensemble*».

Нельзя вниманию не остановиться на метком и беглом, но глубоко обдуманном суждении о Французском театре вообще и о Французской трагедии в особенности. Как жарь, что Жуковский не имел времени или охоты посвятить себя трудам и обработке критики. Из него вышел бы первый, чтобы не сказать единственный учитель наш в этой важной отрасли литературы, которая без неё почти мертвый, или не оцененный капитал.

«Меропа. Застал последнюю сцену и не пожалел. Mlle Duchenois не говорить моему сердцу. Дебютант Varié (кажет-

ся, так, в рукописи не хорошо разберешь) в роле Эгиста – несносный крикун. За то и партер без вкуса. Аплодируют тому, что надобно освистывать. Исмена была как бешеная в описании того, что происходило во храме, что совершенно противно натуре. А партер все-таки хлопает, ибо каждый стих отдельно был выражен с пышностью. Франция не имеет трагедии; она во гробе с Тальмою: он один оживлял пустоту и сухость напыщенных Французских трагедий». О Тальме Жуковский говорит на основании общих отзывов и суждений о превосходной и новыми понятиями обдуманной игре этого актера. Застать его он уже не мог: Тальма умер в 1826 году.

Возвращаясь к несочувственным впечатлениям Жуковского, скажу и я, по воспоминаниям молодости, что игра актрисы Дюшенуа могла и не нравиться Жуковскому, особенно в роле Меровы, потому что m-lle Georges была великолепна именно в этой роле.

Хотя и не совсем кстати, а не могу утерпеть, не передать здесь одно предание. Одна Московская барыня, восхваляя Жорж, говорила, что особенно поражена она была вдохновением и величавостью её, когда в роле Федры сказала она:

Mérove est à vos pieds.

«Давали La dame blanche. Музыка Боельдьё прелестная, но пиеса глупая».

«Театр Федо, *L'amant jaloux*. Музыка Гретри. (Представленная в первый раз в 1778 г.). Музыка еще не устарела».

«В *Théâtre Français. Le Cid*. Почтенный старик Корнель. Простота и сила его стихов. Нет характера. Одни отрывки. Все говорят по-очереди. Многое прекрасно, часто не к месту. После комедия: *Les trois quartiers*. Простодушие Жоржеты, благородная вежливость графини, пошлость негодянта, бесцеремонность банкира (*ton dégaqué*), пошлость и плоскость выскочки (*parvenu*), гибкость прихлебателя (*la souplesse du parasite*), все было выражено в совершенстве. Смотреть и слушать истинное наслаждение».

Этим заключим мы выдержки из Парижского дневника Жуковского. Разумеется, видел он все, что только достойно внимания: библиотеки, музеи, картинные галереи; тут он с любовью смотрит и записывает все, что видел – здания, храмы различные учреждения и проч. Дневник его не систематический и не подробный. Часто отметки его просто колья, которые путешественник втыкает в землю, чтобы означить пройденный путь, если придется ему на него возвратиться, или заголовки, которые записывает он для памяти, чтобы после на досуге развить и пополнить. Может статья, Жуковский имел намерение собрать когда-нибудь замечания и впечатления свои и составить из них нечто целое. Не редко встречаются у него отметки такого рода: «у Свечиной: разговор о Пушкине». «С Гизо о Французских мемуарах». Тут-же: «Он вызвался помочь мне в приискании и покуп-

ке книгъ». «Разговор о политических партиях: крайняя левая сторона под предводительством Лафайета, Лафита, Бенжамен-Констана. Крайняя правая сторона: аристократия согласна сохранить хартию, но с изменениями. За республику большая частьстряпчих, адвокатов, врачей, особенно в провинции».

Иногда ограничивается он именными списками. Например:

«Обед у посла. Комната с Жераровыми амурами (Gégarд знаменитый Французский живописец). Портрет Государя Доу. Великолепный обед. Виллель, Дамас, Корбьер, Клермон-Тоннер, Талейран, фельдмаршал Лористон, папский нунций, весь дипломатический корпус; из Русских: Чичагов, Кологривов (брат князя Александра Николаевича Голицына), князь Лобанов (вероятно известный наш библиофил и собиратель разных коллекций), Дивов, князя Тюфякин, Долгоруков, граф Потоцкий».

Жуковский не ленив был сочинять, но писать был ленив, например, письма. Работа, рукоделье писания были ему в тягость. Сначала вел он дневник свой довольно охотно и горячо; но позднее этот труд потерял прелесть свою. Заметки его стали короче, а иногда и однословны. Это очень понятно. Кажется, надобно иметь особенное сложение, физическое и нравственное, совершенно особую натуру, чтобы постоянно и акуратно вести свой дневник, изо дня в день. Не каждый одарен свойством приятеля Жуковского, Александра Турге-

нева: этот прилежно записывал каждый свой шаг, каждую встречу, каждое слово им слышанное. К нему также применяется меткое слово Тютчева о другом нашем любознательном и методическом приятеле: «Подумаешь, что Господь Бог поручил ему составить инвентарий мироздания». В журналах-фолиантах, оставленных по себе Тургеневым, вероятно можно было-бы отыскать много пояснений и пополнений в краткому дневнику Жуковского.

Выписываем еще одну заметку, которая не вошла в рамы вышеприведенных выдержек; но она, кажется, довольно оригинальна.

«Палероаль есть нечто единственное в своем роде. Это образчик всей Французской цивилизации, всего Французского характера. Взгляни на афиши и познакомишься с главными нуждами и сношениями жителей; взгляни на товары – получишь понятие о промышленности; взгляни на встречающихся женщин и получишь понятие о нравственной физиономии. Колонны Палероалья, оклеенные афишами, могут познакомить с Парижем. Удивительное искусство привлекать внимание размещением товаров и даже наклейкою афишь».

Совершенно верно и поныне. Французы мастера хозяйничать и устраиваться дома. Они, кажется, ветренны; но порядок у них, часто ими расстроиваемый, снова и скоро восстанавливается, по крайней мере в вещественном, внешнем отношении. После Июльской революции 30-го года, Пушкин говорил: «Странный народ! Сегодня у них революция, а зав-

тра все столоначальники уже на местах, и административная машина в полном ходу».

Поговорка: товар лицом продается, выдумана у нас, но обращается в действительности у Французов. В торговле применяется она у нас только у обману и в надувательству; но вообще она мертвая буква. Мы и хорошее не умеем приладить к лицу. О худом и говорить нечего: мы не только не способны скрасить его, а еще угораздимся показать его хуже, чем оно есть.

Быть в Париже, посещать маленькие театры и не затвердить несколько каламбуров, дело не сбыточное. Вот и их занес наш путешественник в свой дневник. Для соблюдения строгой точности и мы впишем их в свои выдержки.

В комедии: Глухой или полная гостинница, актер спрашивает:

Que font les vaches à Paris? –
Des vaudevilles (des veaux de ville).
Quel est l'animal le plus âgé? –
Le mouton, car il est laine.
(Laine, шерстистый).

Жуковский не пренебрегал этими глупостями. И сам бывал в них искусник.

Теперь заключим переборку нашу выпискою, в которой показывается не Парижский Жуковский, а просто человек. Вся заметка не многословная, но знаменательная и характер-

ристическая:

«Спор с Тургеневым и моя бессовестная вспыльчивость».

За что был спор, неизвестно; но по близкому знакомству с обоими, готов я поручиться, что задиришкой был Тургенев. Жуковский, в увлечении прения, иногда горячился; но Тургенев, без прямой горячности в споре, позволял себе сознательно и умышленно быть иногда задорным и колким. Он, как будто, признавал эти выходки принадлежностями и обязанностями независимого характера. Эта стычка между приятелями не могла, разумеется, оставить по себе злопамятные следы. Но покаяние доброго и мягкосердого Жуковского в *бессовестной вспыльчивости* невольно напоминает мне басню Лафонтена, в переводе Крылова: *Мор Зеерей*. Смиренный и совестливый Вол кается: «Из стога у попа я клочок сенца стянул».

Теперь придется и мне сделать пред читателем маленькую исповедь, как для очистки своей совести, так в особенности для очистки Жуковского. Некоторые из беглых заметок его писаны на Французском языке. Впрочем их немного. Не знаю, как и почему, в работе моей, переводил я их иногда на бело по-русски. Нечего и говорить, что я строго держался смысла подлинника; но, вероятно, выражал я этот подлинник не так, как-бы выразил его сам Жуковский. В том нижайше каюсь. Дневник Жуковского кое-где иллюстрирован рисунками или набросками пера его: так, например Théâtre Français и другие очерки, которые трудно разобрать. Вообще

Жуковский писал, хотя и некрасиво, но четко, когда прилагал к тому старание; но про себя писал он часто до невозможности неразборчиво.